

УДК 316.45

**ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ
ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ФУНКЦИОНАЛЬНЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ:
К МЕТОДОЛОГИИ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Снежко Галина Евгеньевна

Директор Ростовского областного центра
обработки информации в сфере образования,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: gsnezhko@rcoi61.org.ru

**LIFE STRATEGIES
OF PHYSICALLY
DISABLED
CHILDREN:
THE METHODOLOGY
OF RESEARCH**

Galina E. Snezhko

Director of Rostov Regional Information
Processing Center in the Field of Education,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: gsnezhko@rcoi61.org.ru

В статье рассматриваются методологические аспекты изучения жизненных стратегий детей с функциональными ограничениями. Анализируются возможности понимающей социологии как методологической основы исследования. Выявляется влияние социокультурной среды общества на жизненный выбор людей с ограниченными возможностями.

The article deals with the methodological aspects of research of life strategies of physically disabled children. The perspectives of the understanding paradigm of sociology as the methodological base of study are analyzed. The influence of social and cultural environment on the choice of life strategies by physically disabled children is investigated.

Ключевые слова: жизненная стратегия, дети с ограниченными функциональными возможностями, ценности, цели, методология.

Keywords: life strategy, physically disabled children, values, aims, methodology.

Введение

Современное индивидуализированное общество предъявляет более жесткие требования к человеческой личности, чем было когда-либо ранее. Взаимодействия индивида с окружающей социальной средой больше, чем когда-либо, основываются на достижениях и активном самопродвижении. Этим диктуется потребность человека в рациональном

стратегическом планировании своей жизни. Особенно это касается детей с ограниченными возможностями, которые испытывают большие, чем здоровые сверстники, затруднения в процессе самостоятельной жизни.

В то же время современное развитое общество характеризуется сменой парадигмы отношения к инвалидам и людям с ограниченными возможностями в сторону реального признания их равенства со здоровыми людьми и необходимости обеспечения им условий для развития и самореализации.

Именно поэтому в настоящее время особую актуальность приобретает исследование проблем конструирования жизненной стратегии детей с ограниченными возможностями, в частности вопросы поиска эффективной методологии такого исследования.

Объект исследования в настоящей статье составляют подходы и методологические парадигмы современной социологии культуры.

Предметом исследования являются методологии, позволяющие исследовать процесс формирования жизненной стратегии детей с ограниченными возможностями.

Цель исследования заключается в поиске и обосновании методологических подходов и парадигм, обладающих оптимальной эффективностью для изучения процесса формирования жизненной стратегии детей с ограниченными возможностями.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

↯ очертить семантику понятия «жизненная стратегия» в социологическом дискурсе;

↯ проанализировать возможности понимающей социологической парадигмы в исследовании формирования жизненной стратегии через призму субъектности;

↯ выявить методологические аспекты изучения взаимодействия субъекта и окружающей его социокультурной среды.

Степень разработанности темы исследования определяется наличием многочисленных источников в теоретической социологии и, в частности, в социологии культуры, позволяющих осуществить выбор наиболее оптимальных методологических предпосылок для рассмотрения процесса формирования жизненной стратегии. Это работы основоположников методологических парадигм, таких как М. Вебер, Э. Гидденс [4, 5] и др., а также отечественных социологов, работающих в этом направлении: К.А. Абульхановой-Славской, Т.Е. Резник, Ю.М. Резника, Е.С. Балабановой [1, 2, 13] и др.

Теоретико-методологические основания исследования составили понимающая социология М. Вебера, теория структуризации Э. Гидденса.

Понятие «жизненная стратегия» в социологическом дискурсе

Исследования различных сторон жизни современного общества базируются на терминологической и понятийной основе, соответствующей специфике именно современного типа социальности. Современное общество, и это общеизвестно, обладает характеристиками, которые не были присущи обществам других типов, и даже тем из них, которые находятся не так далеко во времени от начала XXI в.

Социокультурная среда современного постиндустриального общества характеризуется приоритетной ориентированностью на социальный и психологический комфорт личности и ее гармоничное развитие. Причем речь идет о комфорте каждой личности без исключения: ориентация на личность как на приоритет, цель и основной критерий социокультурного развития является определяющей. Тем более это важно, когда речь идет о личностном становлении и развитии детей. При этом одним из главных принципов является признание равного права на помощь и внимание общества в создании оптимальных условий для личностного развития и образования как здоровых, так и страдающих различными недугами детей, в том числе детей-инвалидов.

Одним из понятий социологии, значимость которых определяется этими обстоятельствами, является «жизненная стратегия». Очевидна увязка семантики этого понятия с проблематикой личностного развития, а следовательно, с теми социокультурными приоритетами современного общества, о которых было сказано выше.

Нетрудно заметить, что в настоящее время это понятие достаточно активно используется в социологической литературе. Это обусловлено, на наш взгляд, именно возросшей значимостью личности, ее развития и судьбы в контексте активного индивидуального целеполагания, а также собственного выбора индивидом средств и способов реализации поставленной перед собой цели. Вводя понятие «стратегия» в социологический дискурс, имеют в виду именно собственную свободную активность актора. Например, так рассматривают стратегии адаптации к неизвестным (или быстроменяющимся без четкого направления) условиям социальной среды; стратегии политики в той или иной сфере или по отношению к тому или иному социальному актору (например, стратегия государственной молодежной политики).

Концепт «жизненная стратегия» в самом общем виде был содержательно разработан К.А. Абульхановой-Славской, согласно определению которой стратегия является способом самосозидания и самореализации индивида во всех сферах его жизни: «Стратегия жизни... – это принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятель-

ствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию» [1].

В этом определении К.А. Абульханова-Славская закладывает три основные позиции, очерчивающие границы смысла рассматриваемого понятия. Во-первых, жизненная стратегия отличается от повседневных практик в основном постановкой долгосрочной цели, достижение которой осуществляется на протяжении длительного периода жизни. Во-вторых, в такой долгосрочной, перспективной цели выражены ценности индивида (или семьи). Таким образом, в понятии жизненной стратегии сфокусированы и цель, и ценности: эта цель-ценность определяет главный ориентир, применительно к которому идет выстраивание повседневных практик посредством выдвижения промежуточных – конкретных и вариативных – краткосрочных целей, ориентированных на ближайшую перспективу и наличные ресурсы.

Понимающая социология как методология исследования феномена жизненной стратегии

Такая методологическая установка на исследование субъекта в его ценностных ориентациях и целеполагании восходит к понимающей парадигме в социологии, основания которой, генетически связанные с неокантианством, сформулировал М. Вебер. При этом необходимо отметить, что в понимании Вебера ценность представляет собой не фигуру эмоционального переживания, а скорее своего рода онтологическую форму, конфигурирующую и структурирующую внутренний опыт человека. Эта форма, согласно Веберу, и делает индивида личностью. Кроме того, существенно то, что ценность позиционируется главным образом относительно будущего, в достижительной перспективе, как то, что нуждается в утверждении в процессе индивидуальной жизни и требует направленных усилий.

В то же время ценность в парадигме понимающей социологии видится прежде всего не с точки зрения выполняемых ею внешних по отношению к субъекту социальных функций, но с точки зрения внутренней глубинной структуры субъектности, в тесной связи с самопроявлением, самореализацией глубинных духовных и интеллектуальных склонностей субъекта. По сути дела, такое понимание ценности раскрывает ее как интеллигибельный феномен, позицию мыслящего существа по отношению к стихии как своего внутреннего мира с его эмоциями, так и внешнего мира социального действия. Ценность позволяет личности дифференцировать свое «я» от других, осуществить свой личностный выбор и воплотить его в действии, реализовав собственную волю

как основную структуру субъектности. В ценности сливаются воедино волевое и логическое, и тем самым ценность основывает собой мотивации личности к осознанному и духовно наполненному действию.

Поэтому ценности в мотивационной структуре личности находятся значительно глубже, чем цели, которые в онтологии человека более вторичны и инструментальны по отношению к ним. Приоритетными являются ценности, они мотивируют личность в духовности и свободе, и именно ценностями определяются цели. Если ценности репрезентируют необусловленный выбор человека, то цели могут определяться и внешними для него факторами, а также потребностями и нуждами, которые не имеют общего со свободой глубинной реализации в себе субъекта. Сущностной особенностью ценностей является утверждение в альтернативе свободного выбора: «Свобода в смысле выбора возможна лишь там, где есть альтернатива» [4].

Именно с проникновением в глубинные субъективные мотивации связана сама идея понимающей социологии. Необходимо учитывать методологическую значимость для Вебера термина «понимание» (*Verstehen*) в его различии с другим термином – «объяснение» (*Erklären*). В русле неокантианского различения между номотетическим (объясняющим закономерность) и идеографическим (проникающим в мир ценностей) знанием Вебер рассматривает понимание как способ проникновения в субъективное измерение личности, «локус» формирования ее мотиваций, целей, ценностных установок. Понимающей он называет социологию, ориентированную на познание социальной реальности сквозь призму субъекта, строящего своими мотивированными действиями эту реальность. Таким образом, для Вебера источником всего объективированного в социумных формах является действующий на основе своих глубинных мотиваций субъект.

В отличие от ценности цель является уже кристаллизацией осуществленного ценностного выбора. Таким образом, жизненная стратегия может рассматриваться как система целей, подчиненных в своей реализации выбору, осуществленному на уровне ценностей. Определение «жизненная» указывает на высокий ценностный ранг осуществляемого выбора цели. Таким образом, конструирование жизненной стратегии предполагает выбор основных целей для индивида, определяющих на основе его смысловозжизненного ценностного выбора способ и направление его жизни, постановку этапных задач, их взаимосвязь. На этой стадии конструирования возникает достаточно размытый, но одновременно и определенный замысел жизни, своего рода ее проективный конструкт.

Методологические аспекты исследования взаимодействия субъекта жизненной стратегии с окружающей социокультурной средой

Далее стратегия жизни как ее перспективный проект должна реализовываться в повседневной практике индивида: это постановка и реализация промежуточных пошаговых целей, их достижение посредством преодоления постоянно возникающих трудностей и проблем. Осуществление целей, связанных с жизненной стратегией, всегда сталкивается с сопротивлением социальной и культурной среды. Оно может быть более или менее жестким, что зависит от характера самой среды, и всегда несет в себе риск неудачи и провала индивидуальной жизненной стратегии. В этом смысле возможно, что субъект, формирующий стратегию, находится в условиях такой социокультурной среды, которая полностью или частично исключает возможность реализации.

Сами по себе способность и возможность конструирования собственной жизненной стратегии, как было показано выше, являются преимущественной характеристикой субъекта. Поэтому то, насколько тот или иной индивид способен стать субъектом собственной жизненной судьбы, зависит и от индивидуальных волевых и интеллектуальных качеств, позволяющих или не позволяющих в данных социокультурных условиях стать реализованной личностью, и от состояния самой социокультурной среды. Среда, жестко сопротивляющаяся индивиду в выстраивании и реализации его жизненной стратегии, является ограничителем его активности. Поэтому чем более жесткой по отношению к индивиду является окружающая его социокультурная среда, тем меньше у него реальных возможностей осуществления активной жизненной стратегии, тем более он вынужден принимать условия среды и жизненные роли и функции, диктуемые средой. В наиболее жестких средовых условиях, например, в обществах традиционного типа, от собственной воли и активности индивида зависит очень мало, гораздо больше определяется предзаданными, аскриптивными факторами. Социокультурная среда традиционного общества жестко ранжирует индивидов, оставляя абсолютному меньшинству реальную возможность быть субъектом и стратегом в отношении собственной жизни, осуществляя в ней себя как личность. Примером предельной жесткости по отношению к людям с ограниченными возможностями может служить древняя Спарта, где младенцев, родившихся с врожденными особенностями, т. е. отклоняющихся от принятого обществом стандарта, лишали даже возможности физически существовать. Но и в других, более гибких традиционных обществах социокультурная среда характеризуется крайне высокой степенью ригид-

ности и сопротивления. Различные аскриптивные статусно-ролевые параметры выступают факторами почти абсолютного (или просто абсолютного, как в древних кастовых обществах) определения жизненной участи индивида извне, без принятия в расчет его собственной воли.

По мере «размягчения» жестких социумных ролевых структур, детерминирующих жизненный путь индивида, он приобретает более широкие возможности автономии и целеполагания. Соответственно этому расширяется и доля индивидов в обществе, способных формировать осознанную активную жизненную стратегию. Люди с ограниченными организационными возможностями являются в этом отношении наиболее уязвимой категорией, практически во всех социумах находящимися на периферии общественного внимания, как те, кто не имеет права претендовать на сколько-нибудь активное участие в формировании собственной жизни.

Таким образом, состояние социокультурной среды и степень ее сопротивления активности индивида имеют методологическое значение для социологического исследования конструирования жизненных стратегий.

Еще один, третий, методологически значимый пункт составляет влияние процесса активного формирования жизненной стратегии на самого индивида. Здесь можно обратиться к объектно-субъектным методологиям теоретической социологии, таким как концепция укорененных структур П. Бурдьё и теория структуризации Э. Гидденса. Согласно этим концепциям, изменение объективных структурных социумных форм происходит синхронно с изменением субъекта и благодаря ему: «Понятие дуальности структуры как базовый постулат теории структуризации подразумевает изучение способов производства и воспроизводства социальных систем, основывающихся на осмысленных действиях акторов, занимающих по отношению друг к другу определенные позиции и использующих правила и ресурсы в разнообразных контекстах деятельности – в процессе взаимодействия» [5]. В этом смысле активность и энергия индивидуального целеполагания способны в некоторой степени оказывать влияние на непосредственно окружающую человека социокультурную среду, отвоевывая у нее новые степени свободы. Согласно Гидденсу, социальная среда располагает ресурсами, налагающими ограничения на действия индивидуальных акторов, но и обеспечивающими определенный диапазон свободы для этих действий. Композиция таких ресурсов, влияющих на действия субъектов, определяет принципы структурирования социальной системы, а эти принципы суть «...факторы, включенные в общее институциональное регулирование общества или типа общества» [5]. Поэтому осмысленные действия инди-

видов, в понимании Гидденса, непосредственно причастны к конструированию социальной системы.

Следовательно, активность субъекта, формирующего для себя жизненную стратегию, является компонентом динамических изменений социальных структур и социумной среды.

И в то же время посредством формирования жизненной стратегии субъект конструирует и самого себя как личность. Повседневное разрешение противоречий и трудностей, возникающих на пути достижения цели, активизирует творческую энергию индивида, повышает уровень его осознанности в процессе формирования собственных жизненных ценностей и принципов. Жизненные интересы и увлечения – продукт индивидуальной стратегии, когда она определяется самим человеком. Таким образом, примем как важную методологическую предпосылку то, что жизненная стратегия является способом самосозидания и самореализации индивида во всех сферах его жизни, в то же время являясь опосредованным влиянием индивида на окружающую социокультурную среду. Снова вернемся к определению жизненной стратегии, данному К.А. Абульхановой-Славской: «Стратегия жизни... – это принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию». Мы видим, что в этом определении зафиксированы оба компонента – и объективный («условия жизни»), и субъективный (индивидуальность, ее воспроизводство и развитие).

Этот же момент формирующего влияния активной жизненной стратегии индивида на его собственную личность, как и на гармонизацию ее с окружающей средой, прослеживается в еще одной характеристике, приведенной Абульхановой-Славской: «Стратегия жизни – это ее интегральная характеристика. Это стратегия поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем соотношения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения» [1].

Интегральность жизненной стратегии заключается в том, что она служит общей смысложизненной основой поступков, действий, планов человека. Тем самым она интегрирует хаотичное напластование эмоций, мыслей, имагинаций и проектов будущего, составляющих внутренний мир личности, в единство целостного характера со своей ясной логикой. В то же время наличие у человека жизненной стратегии выделяет его из аморфной социумной среды неиндивидуализированных, стереотипных акторов. Выдвижение перспективной жизненной цели и подчинение ей повседневных практик создают внутренний субъективный смысл: инди-

вид не следует распространенным стереотипам поведения, не ориентирован на соблюдение ритуальной стороны правил, а стремится к выбору своего поведения, поиску альтернативы. Наличие у человека собственной жизненной стратегии или хотя бы ее зачатков уже придает ему «лица необщее выражение», выделяющее его из массы стереотипно действующих и мыслящих.

Поэтому активная позиция в отношении формирования собственной жизненной стратегии, как мы уже писали, наименее соответствует конфигурации традиционного общества. Согласно М. Веберу, традиционный тип действия как раз и предполагает максимальную ритуализированность, подчиненность внешним социальным стереотипам, следование извне заданным ролевым образцам. Современное развитое общество, напротив, способно создать и поддерживать условия, в которых индивиды могут, не платя за это чрезмерную цену, активно формировать самих себя, исходя из собственного личного выбора ценностей и целей. Эта позиция задает личностно выверенную мотивацию действий. Стратегия жизни реализуется как персональный замысел, оригинальный «дизайн» собственной судьбы, в чем-то отличной от типовых судеб современников. Ее автором должен стать сам индивид, который стремится к самореализации и подчинению себе среды жизни. Поэтому в основе стратегии лежит понимание индивидом механизма своей связи с обществом – окружающими людьми и социальными институтами, а также понимание обществом как коллективным субъектом индивида, его прав, запросов и притязаний.

Выводы

Исследование жизненной стратегии в предметном поле социологии может эффективно базироваться на применении понимающей парадигмы, введенной в научный оборот М. Вебером и основывающейся в конечном счете на методологических посылах неокантианства. Согласно представлениям понимающей социологии, изучение действий человека как социального актора возможно лишь исходя из понимания индивидуальных мотиваций, которые, в свою очередь, проистекают из ценностей личности, поставленных ею целей, а также традиционных стереотипов, которым она может следовать. Жизненная стратегия в социологическом смысле – в контексте понимающей социологии – представляет собой процесс конструирования индивидуального поведения в обществе по траектории, определенной свободным выбором и отражающей специфику индивидуальных способностей и качеств человека. Она может быть определена также как вариант и продукт взаимодействия индивида с

окружающей и формирующей его социокультурной средой. Жизненная стратегия детей с ограниченными функциональными возможностями определяется и конструируется родительской семьей на основе осмысления родителями своего жизненного опыта в наличной социальной среде, понимания ими специфики индивидуальности своего ребенка, имеющих у него способностей и функциональных ограничений.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. М. : Мысль, 1991.
2. Балабанова Е.С. Стратегии совладания с жизненными трудностями: самостоятельность или зависимость? // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 3.
3. Бокова Т.Н. Известия Саратовского университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 2–1.
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 707–735.
5. Гидденс Э. Устроение общества. Очерк теории структуризации. М., 2005. С. 69, 501.
6. Zubok Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М., 2007.
7. Иванова А.С. Методологическая программа обоснования социогуманитарного знания А. Шюца // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2013. № 4.
8. Ионин Л.И. Социология культуры. М. : ГУ ВШ, 2004.
9. Корель Л.В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005.
10. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005.
11. Мертон Р. Социальная структура и аномия. М., 1992.
12. Павловский В.В. Ювенология: проект интегративной науке о молодежи. М. : Академический проект, 2001.
13. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100–105.

References

1. K.A. Abul'khanova-Slavskaya. Strategii zhizni. M. : Mysl', 1991.
2. E.S. Balabanova. Strategii sovladaniya s zhiznennymi trudnostyami: samostoyatel'nost' ili zavisimost'? // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2002. T. 3, № 3.
3. T.N. Bokova. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika. 2013. № 2–1.
4. M. Veber. Nauka kak prizvanie i professiya // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990. P. 707–735.
5. E. Giddens. Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii. M., 2005. P. 69, 501.
6. Yu.A. Zubok. Fenomen riska v sotsiologii. Opyt issledovaniya molodezhi. M., 2007.
7. A.S. Ivanova. Metodologicheskaya programma obosnovaniya sotsiogumanitarnogo znaniya A. Shyutsa // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. № 4.
8. L.I. Ionin. Sotsiologiya kul'tury. M. : GU VSh, 2004.
9. L.V. Korel'. Sotsiologiya adaptatsiy: voprosy teorii, metodologii i metodiki. Novosibirsk : Nauka, 2005.
10. Yu.A. Levada. Pokoleniya KhKh veka: vozmozhnosti issledovaniya // Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii. M., 2005.
11. R. Merton. Sotsial'naya struktura i anomiya. M., 1992.
12. V.V. Pavlovskiy. Yuvenologiya: proekt integrativnoy nauke o molodezhi. M. : Akademicheskiiy proekt, 2001.
13. T.E. Reznik, Yu.M. Reznik. Zhiznennye strategii lichnosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1995. № 12. P. 100–105.

14. Руденский Е.В. Критический конструктивизм виктимологии образования как методология рефлексии актуальных проблем педагогики профессионального образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2009. № 1.

15. Чередниченко Г.А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб. : Изд-во РХГИ, 2004.

14. E.V. Rudenskiy. Kriticheskiy konstruktivizm viktimologii obrazovaniya kak metodologiya refleksii aktual'nykh problem pedagogiki professional'nogo obrazovaniya // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2009. № 1.

15. G.A. Cherednichenko. Molodezh' Rossii: sotsial'nye orientatsii i zhiznennye puti (Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya). SPb. : Izd-vo RKhGI, 2004.

Поступила в редакцию

19 января 2017г.